ЗАСЛОН × Литрес

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

Минпромторг России

ИНЖЕНЕР БИОЗАЩИТЫ.
ЯД КОСМОСА

АЛЕКС ШЕЛ

Алекс Шел

Инженер биозащиты. Яд космоса

«Автор»
2026

Алекс Шел

Инженер биозащиты. Яд космоса / Алекс Шел — «Автор», 2026

Когда герой рассказа, начинающий инженер биозащиты Олег Круглов, получил распределение на отдалённую базу в космосе, он и не предполагал, что найдёт там своё призвание, встретит прошлую любовь и столкнётся с тем, к чему готовился всю жизнь и всё равно оказался не готов. Но только переступив через свои страхи и комплексы, можно выработать иммунитет к яду космоса и приблизить мечту всего человечества.

© Алекс Шел, 2026
© Автор, 2026

Алекс Шел
Инженер биозащиты. Яд космоса

Из тех нескольких дней после распределения я мало что помню, да и не хочу помнить — не самый это был приятный период моей жизни. Единственное, что почему-то врезалось в память, — дождь над московским космопортом, откуда я вылетал с Земли. Вагончик монорельса мчался сквозь плотную стену ливня, и капли оставляли на окнах длинные мокрые дорожки. Самому тоже было — хоть плачь. Но в одном вагоне со мной, как назло, ехала шумная ватага младших школьников, которых везли в космопорт на экскурсию. Дети шалили, две симпатичные молодые учительницы шикали на них под умилёнными взглядами компании благообразных пенсионеров, очевидно, ехавших встречать «с космоса» своих детей-внуков. Так что никому не было до меня дела. До того, что я расстался с любимой девушкой, практически невестой, да ещё и лечу теперь в какую-то Тмутаракань дальнего космоса. Много позже я пойму, что в такие моменты нельзя оставаться в одиночестве, но тогда я жестоко страдал от невозможности уединиться хоть на час и подумать, как я дошёл до жизни такой. Но уединение мне не светило ещё долго: в медицинском центре космопорта за меня взялись «люди в белых халатах». Долго и нудно заполняли всякие пробирки-флакончики моей кровушкой и прочими телесными жидкостями, а бесчисленные бланки — строчками моей пока куцей биографии, которую называли словом «анамнез», даже на слух отдающим формалином и аптекой. Потом челнок доставил меня вместе с ещё примерно двумя десятками попутчиков до пересадочной станции на геостационарной орбите, а оттуда унылый каботажник трое суток тащился до лунной базы.

Исторически первая человеческая колония за пределами родной планеты для защиты от солнечной радиации была закопана в лунный грунт по самую крышу. И было тут всегда тесно и суетливо, как в муравейнике. База «Мунлайт» постоянно расширялась, но расширение её штата происходило ещё быстрее. Машинисты харвестеров, геологи, пилоты челноков, целая армия обслуживающего персонала. Вновь прибывшим с Земли наблюдать это движение жизни на протяжении ещё четырёх дней приходилось сквозь прозрачные стены галерей и переходов карантинного центра. Пара человек из нашей группы оставалась затем здесь, путь же таких, как я, лежал дальше во Внеземелье, и после карантина нам предстоял «прыжок». Сама процедура подпространственного перехода давно уже стала будничной и занимала куда меньше времени, чем подготовка к ней. Когда подошло стартовое «окно», специальный челнок-джампер поднялся к «подвешенной» на селеностационарной орбите над обратной стороной Луны станции «прыжка». Время ожидания накачки реакторов, короткая вспышка избыточной энергии — и… всё! Спустя какие-то мгновения мы уже двигались в пространстве системы Альфа Центавра — «узловой станции» на пути к человеческим поселениям в дальнем космосе.

Мне предстояло ещё три таких «прыжка» до места назначения — безымянной звезды в созвездии Ориона. С Земли она не видна, лет десять назад её открыли астроразведчики, исследуя окрестности другой колонизированной системы, и оттого это место казалось мне ещё большей дырой. Челнок несколько часов тащился из зоны «всплытия» до пространственной станции в точке Лагранжа, и я чуть не вывихнул челюсть из-за зевоты, глазея в малюсенький иллюминатор подпространственного клипера на монотонный космический пейзаж. Большое жёлтое яблоко местного светила и тускло-оранжевая точка поменьше — планета Малый Калан — вот и все достопримечательности места, где мне предстояло провести ближайшие три года. Большого Калана — не в смысле жирную выдру, а терраформируемую планету, административный центр колонии, — отсюда было уже не разглядеть.

Спустя какое-то время замаячила и «люстра» пространственной станции «Калан-3». Типичная конструкция: кольцевой жилой модуль вращался вокруг оси технических отсеков, в

результате чего внутри него создавалась искусственная сила тяжести 0,7g. В сторону на длинной штанге торчал реакторный блок.

На узкой причальной палубе, где гравитация отсутствовала и приходилось пользоваться магнитными ботинками, меня встретил деловитый дядька лет сорока. Молча кивнув, окинул взглядом, отдал распоряжения команде карго, споро принявшейся за разгрузку клипера, и наконец снова вернулся ко мне.

— Олег Круглов?

Я картинно поглядел по сторонам (клипер привёз только одного пассажира).

— А вы ещё кого-то видите?

— Не паясничай, парень. Вдруг ошибка, и выяснится, что летел ты, оказывается, не к Каланам, а вовсе даже на Малис-Каланку. Придётся шаттл под тебя заказывать, казённым харчем кормить.

Я молча перекинул со своего коммуникатора на его линк файлы удостоверения личности и направления комиссии по распределению. Дядька бегло пролистал строчки на голограмматоре.

— Не женат? И девушки нет?

— Нет.

Дядька смотрел на меня с интересом и лёгкой жалостью.

— Ладно, товарищ инженер по биозащите персонала, жди в холле жилого яруса, челнок на Малый уходит через час.

— На планету? У меня вроде в направлении «орбитальная станция» указана.

— «Звезда» не планетарная станция. Впрочем, сам всё увидишь.

***

«Уважаемые слушатели! Московское время шесть часов ноль минут! Передаём выпуск последних новостей…»

Я дотянулся до бытовой панели и приглушил звук радио-будильника. Хотя какое там радио — трансляции потоковых станций с обитаемых планет мы тут слушаем в записи и с опозданием на несколько суток. Незадолго перед моим рождением на Земле сумели воспроизвести технологию Врат и построить первую станцию «прыжка» возле Луны. Пока я рос и учился, станции заполонили пространство почти всех хоть сколько-нибудь значимых звёздных систем, где отметился своим присутствием человек. После чего «вторая волна» экспансии в космос обрела новую энергию. Но всё же на такой медвежий угол, как система Каланов, пропускные способности новой гиперсвязи тратят с оглядкой.

За обычными утренними процедурами, вполуха слушая нарочито бодрый голос диктора, поймал себя на мысли, что сегодня ровно два года, как я «столицу нашей Родины» покинул. Оглянешься назад — кажется много, а в то же время — будто только вчера меня «сканировал» Старпом на палубе того самого «Калана-третьего». Тренькнул вызывной сигнал коммуникатора. «Долго будешь жить, Старпом!»

— Слушаю, Игорь Всеволодович!

— Олег! Насчёт твоей докладной записки: начальник интендантской службы бьёт себя пяткой в грудь, что запасы регенератора кислорода рассчитаны по нормам и их ровно столько, сколько нужно.

— Верить интендантам — сомнительная добродетель, Игорь Всеволодович!

— Ну, я тоже сомневаюсь, но нужно какое-то решение выработать, так что к планёрке подготовь дополнительную информацию. Успеешь?

— Успею!

Игорь Всеволодович по кличке «Старпом» — первый заместитель начальника экспедиции и фактически главный на станции, потому что «Шеф» в основном занимается делами, касающимися поверхности планеты. Там ещё первые появившиеся в системе астроразведыва-

тельные зонды обнаружили алмазные трубки, однако месторождение посчитали бесперспективным из-за «агрессивных условий на планете». И это ещё мягко сказано! На деле поверхность Малого Калана представляет собой настоящий ад. Тяжёлая и плотная атмосфера планеты состоит в основном из углекислого газа и метана и создаёт чудовищный парниковый эффект, из-за чего температура поверхности превышает четыреста градусов Цельсия при давлении в десятки атмосфер. Обычная горная техника в таких условиях работать не может, а людям пришлось бы носить тяжёлые неповоротливые скафандры. Однако некоторое время спустя права на разработку месторождения по дешёвке выкупил концерн «Далькосмосинвестпроект» и создал на поверхности планеты полностью автоматизированный — «безлюдный» — добывающий комплекс. Но для его обслуживания и управления им возможностей «Калана-3» не хватало — слишком далеко, возникала большая задержка радиосигнала, у челноков было большое подлётное время. Тогда и решили построить «Звезду».

До планёрки ещё минут пятнадцать, и я люблю проводить это время в своём «секретном месте» — на верхней метеорологической площадке. Сами метеорологи редко сюда заглядывают — данные собираются автоматически, но вид из-под расположенного у самого края верхней палубы прозрачного купола открывается потрясающий. Над тобой чужое чёрное небо, и россыпи звёзд складываются в созвездия, каких с Земли не увидишь, а внизу — бушующая атмосфера Малого! Собственно, атмосфера имеется и здесь, на высоте сорока семи километров от поверхности, именно в ней и «плавает» наша станция. Ведь «Звезда» по сути — это гигантский аэростат. На такой высоте температура и давление приближаются к нормальным условиям, а плотность атмосферы ещё достаточна, чтобы поддерживать в полёте всю циклопическую конструкцию станции. По сравнению с орбитальной, аналогичной по численности персонала, она дешевле и не требует ухищрений с искусственной гравитацией.

Так что это очень необычное место. Не могу сказать, что за два года я полюбил его — нет. Просто привык. Стал находить кайф в мелочах. В вот такой, например, возможности взглянуть в две бездны одновременно, какая открывается с метеорологической площадки. В своей работе, когда получается что-то «более или менее». На крупных станциях и базах биологической защитой персонала занимается целый отдел, где каждый специалист отвечает за свой аспект работы: питание, обеспечение воздухом, водоснабжение, удаление отходов, безопасность труда. Мне же пришлось влезать во всё: от эффективности вентиляции и норм рациона до устройства систем экстренной эвакуации и особенностей технологического процесса местного производства.

Из задумчивости меня вывел общекорабельный ревун. Покрутив головой, я понял причину предупреждающего сигнала: на верхнюю палубу заходил на посадку космолёт. Должны были прибыть несколько человек — смена убывающим в отпуск или закончившим контракт сотрудникам. В принципе, пора уже было идти, но что-то заставило меня задержаться, проводить взглядом выходящий из виража борт. Здесь на высоте очень сильные ветра, поэтому, чтобы челноки на посадке не сносило, автопилоты ведут их на высокой скорости до самой палубы, где скорость гасит специальное силовое поле. Не знаю, что в этот раз пошло не так, только я увидел, как в последний момент корабль вдруг дал импульс двигателями вертикальной тяги. Видимо, пилот изменил решение о посадке, перевёл управление на ручной режим и попытался уйти на второй круг. Но не успел: машина вскользь зацепила тормозное поле, клюнула носом, её развернуло боком к оси движения и, вспахивая левой плоскостью палубу станции, юзом (опоры шасси сломались как спички) проволокло несколько сот метров. Катастрофический финиш завершился тем, что космолёт разнёс вдребезги купол оранжереи и рухнул вниз на следующую палубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.